

Варвары и варварши

Перешагнули столетие на сцене театра «Мастерская Петра Фоменко»

С ЧЕГО БЫ это негнеливых, лиричных фоменок потянуло на Горького? Почему из обширного его репертуара выбрали именно «Варваров» — пьесу, сценическая история которой оборвалась сорок лет назад знаменитой премьерой Товстоногова, где блистали Луспекаев и молодая Доронина? Зачем на свою маленькую сценическую площадку выпускать такое количество персонажей?

Если столько вопросов, значит — спектакль не дает одного, но внятного ответа. Это — так.

А вот невнятные — дает, о чем-то нащелпывает, особенно поначалу. Иногда отвечает вопросом на вопрос, например, о Горьком: думаете, раз всё его имени переименовали, так он уже и не великий писатель вовсе? Нет, дудки, какие типы, какие характеры!...

И действительно, первое действие-пролог, представление будущих героев захватывает сразу. Зрители, не обремененные ни знанием сюжета, ни близким знакомством с персонажами, с легкостью отвлекаются на авторские шутки и с интересом фиксируют связи между действующими лицами. Так в начале сериала пытаешься запомнить, кто кем кому приходится. Режиссер Е. Каменькович один за другим чередует крупные планы, позволяя полюбоваться и старыми знаками-артистами, и их новыми героями. Жители горodka Верхополе мелькают, как и положено по сюжету, в ожидании приехавших из столицы. Вот-вот их провинциальная сонная одурь прервется явлением... реформаторов, строителей железной дороги: и бо-язно, и хочется. То-то будет, то-то будет. Женщины трепещут, кто явно, кто скрыто, каждая на свой манер, мужчины наигранно деловиты.

А вот наконец и они — молодые, кожаные, фирменные. Знают, как надо, как скоро. Ай да Горький, ай да сукин сын! Главным-то у них назначил Черкуна Егора Петровича: увидишь — не забудешь.

волос у него, как огонь. Одним словом — рыжий. Попал писатель в масть.

Он-то окажется и варваром номер один. Так в пьесе, но мы сразу отметили, что фоменки негнеливы, и потому им заказан проторенный путь аллюзий, тем более социально заостренных.

Первые сцены дышат покоем неторопливого романа, артисты в своей стихии, пока Верхополе припекает солнышком. В этой стихии лирического фарса роли давно распределены, но по-прежнему привлекательно загадочное лукавство Ксении Кутеповой, благодущие Юрия Степанова, изящная извительность Карэна Бадалова, томительная нездешность Галины Тюниной... Каждый добавит тех, кого любит в этой труппе, и не ошибется. Не суть важно, кто они сегодня — купцы, мещане, акцизные надзиратели, их жены, дочери, возлюбленные, важно только то, что им выпало сегодня жить под этим солнцем, под этим небом, в том составе, в каком выпало. А столичные технократы, нагрянувшие сюда, в конце концов тоже из своих. Если присев сбоку посмотреть на них в театральные бинокль (sic — мизансцена!), то сразу узнаете Полину Кутепову, Рустэма Юскаева, Кирилла Пирогова и примкнувшего к ним Сергея Тарамаева.

Горький сталкивал Россию деревянную и Россию железную, описывая первое пришествие капитализма. Товстоногова увлекала в нем «глыбистость». Режиссер различал многосложность, извечность российского варварства, проявляющегося и в родительском эгоизме, и в пренебрежении к чужой судьбе, варварство старомодное и варварство шеголяющее в модных одеждах, смиренное и агрессивное.

В спектакле Е. Каменьковича нет ни горьковской категоричности, ни товстоноговской «глыбистости», потому что, собственно, нет никаких двух России.

Московский театр «Мастерская П. Фоменко». М. Горький «Варвары». Режиссер Евгений Каменькович. Черкун — Сергей Тарамаев. Анна — Полина Кутепова. Цыганов — Рустэм Юскаев

Тему нынешнего второго пришествия капитализма, которую иной театр, возможно, с яростью или восторгом вытащил бы на первый план, здесь воспринимают как смену времен года. А лето, известное дело, у нас всегда короткое, зато зима нас всегда застает врасплох.

Взяв романтический тон, неспешно расположившись по горизонтали (в прямом и переносном смысле), театр ищет и находит свой конфликт там, где Горький скорее слаб, нежели силен.

Чем ближе мы приближались к финалу, тем все явственнее начинали звучать мотивы символистские.

Когда под занавес все женщины вышли в алых платьях, словно иллюстрируя брошенное вскользь замечание о том, что самый внушительный цвет — красный и хо-

дят в нем аристократы и королевы, то примерещилась некая коллективная Надежда Монахова — главная жертва всеобщего варварства.

Может быть, речь зашла о варварах и варваршах? И герои вовсе не делятся на столичных и провинциальных, нет меж ними сословных преград, а есть только одно различие — они мужчины и женщины? Может быть. Только это ощущение приходит так поздно, что раскрутить его в ретроспективе трудно.

Вспышка красного, все затмившего, вычеркнула из памяти три прошедших часа, но высветила вдруг один неожиданный мотив. Горький писал пьесу в безызвестном 1905 году и не раз повторял тогда: «Наступили дни возмездия, господа, дни расплаты!..»

Возможно, театр, не захотев вслушиваться в писателя пролетар-

ского, отбросив этот архаичный узколобый эпитет, захотел вслушаться в Горького — современника, ну, например, Блока? Может быть.

Кстати, Александр Александрович, поэт возмездия, оставил свои впечатления от пьесы «Варвары». Считая сочинение небрежным и затянутым, поэт находит в нем «чувство уездного города, реки, мостовой, забора, садов, каких-то пыльных листьев». Залела Блока только Надежда Монахова: «Вся она — странно и красиво цельная, в ней — какая-то большая притягательная и вместе отталкивающая сила. Она сильна каким-то суровым, звериным обаянием».

Мне кажется, что вся пьеса «Варвары» написана для этого характера. Можно думать, что это и есть «человек» — истинная героиня

песны, — за неимением героя.

Если такие женщины, напоминающие и Вареньку Олесову, Сашу и Мальву, будут играть роль человека в произведениях Горького, то это, во всяком случае, много значительнее Павла Власова и прочей добродетельной компании».

Уж не эти ли пометы Блока стали режиссерским планом спектакля «Мастерской П. Фоменко», где есть и чувство забора, и чувство пыльных листьев, и явление коллективной Монаховой? Может быть.

Только нерва нет, не подсказывает память «Мы дети страшных лет России...».

Центром притяжения для меня оказалась совсем другая героиня — Богаевская Татьяна Николаевна в исполнении Людмилы Ариной. Те, кто видели телевизионные фильмы Фоменко, узнают сразу эту суховатую интеллигентную женщину с яркими, все замечающими глазами. Порой кажется, у нее аномальное поле зрения, включающее помимо прочего взгляд в прошлое и будущее.

В пьесе статут Богаевской обозначен — домовладелица, дворянка. С поправкой на век, читаем — пенсионерка, с приватизированной квартирой, из бывших.

Людмила Арина играет так, что биографию ее героини хочется сочинять. Когда она раскладывает пасьянс «Две необходимости», восклицая шутливо аффективно: «Самый трудный!» — то нет сомнения, хоть и не видно, что в лицах дам, королев и вальсов проступают черты кружащих вокруг нее персонажей.

Она не моложава, а молода той настоящей молодостью, которая позволяет прожить жизнь с безупречным вкусом. Так должен выглядеть гарант стабильности.

Зря на Татьяну Николаевну в финале тоже надели красное платье. Не из ее гардероба.

Мария СЕДЫХ